что она побѣдила *вопреки* этому процессу, что она побѣдила лишь силою своего сознанія, силою тѣхъ идейныхъ и этическихъ факторовъ, которые проникли въ ея среду при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя противопоставлялись этому со стороны господствующихъ классовъ, опиравшихся на свои богатство и власть? Но не то же ли самое приходится сказать теперь о борьбѣ промышленнаго пролетаріата? Исходя изъ чисто-экономическаго пониманія исторіи, новѣйшая соціалъ-демократическая школа, благодаря указанному нами перевороту въ ея теоріи, пришла къ тому, что стала уже слишкомъ *не дооцѣнивать* теперь именно вліяніе экономическихъ условій и приписывать слишкомъ большую силу именно идейному фактору сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать легкой и происходящей при особенно благопріятныхъ условіяхъ ту борьбу съ буржуазнымъ государствомъ, которую долженъ вести теперь промышленный пролетаріатъ,—противъ соединенныхъ силъ всѣхъ имущественныхъ классовъ, при никогда еще не бываломъ въ исторіи развитіи промышленности и накопленіи невиданныхъ ранѣе колоссальныхъ богатствъ въ ихъ рукахъ? Мы знаемъ, что пролетаріатъ ведетъ эту борьбу, опираясь на свое развивающееся политическое сознаніе и пониманіе условій экономической жизни,—какъ на единственное орудіе, находящееся въ его голыхъ рукахъ, но мы знаемъ также и то, почему эта борьба не дала еще до сихъ поръ осязательныхъ результатовъ и почти еще не ослабила политическаго могущества буржуазнаго государства: это произошло въ силу тѣхъ огромныхъ *чисто экономическихъ* препятствій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути революціонное движеніе промышленнаго пролетаріата.

Почему Марксъ и Энгельсъ, въ теченіе нѣкотораго періода времени, такъ сильно вѣрили въ приближеніе соціальнаго переворота въ западно-европейскихъ промышленныхъ странахъ и не разъ предсказывали его въ очень близкомъ будущемъ? Потому, что они вѣрили въ неминуемую гибель буржуазнаго общества подъ вліяніемъ самого экономическаго процесса; потому, что, въ ихъ представленіи, развитіе капиталистическаго способа производства неудержимо влекло буржуазное общество къ невозможному положенію, къ экономическому абсурду. Объ одномъ изъ этихъ экономическихъ абсурдовъ мы уже говорили: буржуазія, согласно идеѣ Коммун. Манифеста, сама подготовляла все болѣе и болѣе опасные для нея промышленные кризисы и въ то же время уменьшала средства противодѣйствія имъ. Другой такого же рода экономическій абсурдъ, долгое время прочно ассоціировавшійся въ головахъ первыхъ соціалъ-демократовъ съ идеей капиталистическаго развитія, заключался въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ всѣ средства производства и всѣ накопляющіяся богатства должны были, по ихъ представленію, все болѣе и болѣе сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ; такимъ образомъ, экономическое господство должно было все болѣе и болѣе

превращаться во всепоглощающую власть немногихъ единицъ надъ всѣмъ остальнымъ обществомъ; личный составъ господствующаго меньшинства долженъ былъ все болѣе и болѣе суживаться и стремиться, какъ къ своему предѣлу, къ единому всемогущему обладателю всѣхъ средствъ производства, къ единому всемогущему диктатору.

Въ очень распространенной когда-то книжкѣ такого виднаго марксиста, какимъ былъ Либкнехтъ, а именно въ его «Zur Grund- und Bodenfrage», можно прочесть по этому поводу слѣдующее мѣсто: «Конечнымъ послѣдствіемъ частной собственности на землю и капиталистическаго производства является концентрированіе собственности, богатствъ и власти въ однѣхъ рукахъ. Единый лэндлордъ, владѣтель всѣхъ земель и хозяинъ всѣхъ фабрикъ, монополизировавшій все земледѣліе и всю индустрію, имѣющій у себя въ наймѣ всѣхъ гражданъ и устанавливающій по своему произволу цѣны на всѣ жизненные припасы и другіе продукты,—единый пастырь и едино стадо, единый рабовладѣлецъ, выгоняющій своимъ бичемъ на работу своихъ деревенскихъ и городскихъ рабовъ; словомъ, такая политическая и экономическая зависимость, по сравненію съ которой даже положеніе древнихъ египтянъ при фараонахъ казалось бы архи-демократическимъ,—вотъ апогей, вотъ конечная цѣль и идеалъ современной капиталистической культуры» (стр. 175).

Нечего говорить о томъ, что подобная тенденція, если бъ она дѣйствительно вытекала изъ экономическихъ основъ буржуазнаго строя, изъ законовъ капиталистическаго способа производства, была бы одна равносильна его уничтоженію. Если бы личный составъ буржуазіи все болѣе и болѣе суживался, отбрасывая своихъ членовъ въ низшіе общественные слои, то поддержаніе политическаго господства стало бы для нея невозможнымъ; это былъ бы такой же процессъ саморазрушенія, какъ и при постоянно-возрастающихъ экономическихъ кризисахъ. Но мы знаемъ, что ничего подобнаго не имѣется на лицо и что позднѣйшіе теоретики соціалъ-демократической школы должны были отбросить также и эту первоначальную идею и придать тезису Маркса относительно концентраціи капитала совсѣмъ другое толкованіе.

«Марксъ и Энгельсъ никогда не отрицали, что число капиталистовъ возрастаетъ,—читаемъ мы теперь у Каутскаго,—это возрастаніе составляетъ, напротивъ того, естественное послѣдствіе расширенія капиталистическаго способа производства... Но одновременно съ этимъ быстро растетъ также и пролетарское населеніе, быстрѣе, чѣмъ общее населеніе страны. Отсюда уже можно вывести,—въ чемъ мы еще болѣе убѣдимся впослѣдствіи,—что прирость капиталистовъ долженъ происходить не на счетъ пролетаріата, а на счетъ другихъ слоевъ населенія—мелкой буржуазіи и крестьянства» *).

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm", стр. 84—85.